

Историческая культурология в межпредметном пространстве

Аннотация. Причина предубеждения против исторической культурологии чаще всего кроется в размытости предмета историко-культурных исследований.

Самым простым выходом из сложившейся ситуации для исторической культурологии было бы признать своё поражение в боях «за предмет» и раствориться в общегуманитарном контексте научного знания. Но она всё же может обрести своё право на существование, так как способна претендовать на ещё не освоенный сегмент культурной истории: исторические образы или смыслы культуры, существовавшие в ту или иную эпоху.

Для исторической культурологии предметным горизонтом можно считать «историю культуры повседневности». Более точные представления о предмете этой дисциплины будут складываться по мере её развития. Но уже сегодня понятно, что правильный выбор предметного аспекта позволяет подвергать культурологической интерпретации общие с другими науками «культурные объекты», не вступая в междисциплинарные конфликты.

Ключевые слова. Историческая культурология, история культуры, предмет, предметное поле, памятник культуры, культурное наследие, культура повседневности, сознание, Г. С. Кнабе, Б. В. Дубин.

«Навигация, — добавил он напоследок, — наука не точная. Для того, чтобы вполне овладеть ею, необходим личный опыт продолжительного практического плавания...»

А. С. Некрасов

«Приключения капитана Врунгеля»

Из всех культурологических дисциплин наибольшие сомнения и критику со стороны представителей других наук вызывает, пожалуй, именно историческая культурология. Причина предубеждения против неё сторонников «классической» системы научного знания чаще всего кроется в некоей размытости предмета историко-культурных исследований, которая и в самом деле нередко имеет место. Неуверенность в определении предметного поля исследователями-культурологами связана как с недостатком общетеоретических исследований в этой сфере, так и с тем обстоятельством, что большинство культурологов, в том числе и автор данной работы, пришли в культурологию из смежных областей гуманитарной науки: философии, истории, филологии, искусствознания. Они «принесли» с собой в историческую культурологию не только методы своих наук, но и представления о том, что может быть предметом и объектами культурологического изучения.

Большинство специалистов, особенно в российской провинции, позиционирующих себя в качестве культурологов, считают предметным пространством своих научных штудий так называемую «историю культуры». Под ней чаще всего подразумевается то, что в школьных и вузовских учебниках всемирной и отечественной истории выносятся в «аутсайдерские»

---

*Сукина, Л. Б. Историческая культурология в межпредметном пространстве. — Доклад читался на научной конференции «Историческая культурология: предмет и метод», 2002 год.

параграфы «культура», завершающие разделы, посвящённые большим историческим периодам и эпохам.

Эта «школярская» история культуры по давно устоявшейся традиции начинается с «общественно-политической» мысли, к каковой в равной мере относятся и философия, и публицистика, и социально-критические идеи, и заканчивается «искусством». В промежутке между ними упоминаются наука, образование, литература, архитектура. Любопытно, что такая важная составляющая культуры как религия обычно рассматривается в основном — «собственно историческом» тексте раздела и, таким образом, искусственно исключается из «культурного пространства» в том смысле, как оно понимается составителями учебников и программ преподавания. В таком познавательном контексте история культуры представляется в виде внешне логично выстроенной картины исторического развития различных «сфер культуры». Но в этой картине, во-первых, понятие «культуры» нередко путается с понятием «культурности», а во-вторых, названные «сферы» слабо связаны между собой, представляя, по существу, несколько искусственно соединённые фрагменты исторических знаний о разных формах проявления интеллекта и творчества людей, живших в ту или иную конкретную эпоху.

В отношении такой «исторической культурологии» претензии оппонентов вполне оправданны. Ибо выкладывание пусть и внешне наукообразной мозаики из результатов исторических исследований политологии, социологии, литературоведения, искусствоведения ещё не делает новой науки. Получается, что культурология «заимствует» предметы и методы других наук и пытается играть на чужом поле с чужими объектами и смыслами. В то время как мы понимаем, что история культуры это вовсе не описание культуры того или иного периода, сделанное не узким специалистом в одной из её областей, а историком, «улавливающим общий смысл фактов и явлений», и уж тем более не история, написанная с точки зрения филолога или искусствоведа. Поэтому предметом исторической культурологии, конечно же, является не история сама по себе и не история дошедших до нас проявлений разных форм существования культуры.

По этой же самой причине предметом исторической культурологии не может быть и история «памятников культуры», поскольку каждый такой «памятник» одновременно является и «памятником» литературы, архитектуры, искусства и тому подобного. Следует отметить, что на этом поле уже потерпело научное фиаско так называемое «памятниковедение» — искусственная дисциплина, которую пытались развивать некоторые научные сообщества на рубеже 1980—1990-х гг.¹ В такой же степени междисциплинарной представляется и категория «культурное наследие». Занимаясь её исследованием, историческая культурология всё время «заступает на соседскую землю», вступая в борьбу за «право эксклюзивного обладания» с историей, краеведением, музеологией и другими научными дисциплинами, способными по-своему осмысливать и сохранять культуру прошлого.

Самым простым выходом из сложившейся методологической ситуации для исторической культурологии было бы признать своё поражение в боях «за предмет» и согласиться раствориться в общегуманитарном контексте современного научного знания. Но, думается, она всё же может обрести своё право на существование, так как существует ещё не освоенный сегмент истории культуры, на который как раз и могла бы претендовать эта дисциплина. Мы имеем виду исторические образы или смыслы культуры, существовавшие в ту или иную эпоху.

Чтобы пояснить эту мысль, придётся вновь обратиться к уяснению содержания понятия «культура». Его многозначность известна и постоянно обсуждается культурологией. Кажется, для исторической культурологии наиболее приемлемо толкование Г. С. Кнабе, который в одном из своих устных выступлений определил культуру как «пережитую историю», то есть объективный исторический процесс, пропущенный через субъективное сознание ин-

---

¹Например, в рамках Региональных научных конференций «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья», проводившихся Нижегородским отделением ВООПИиК и НИП «Этнос», существовала секция «Памятниковедения», на которой зачитывались доклады, посвящённые памятникам архитектуры и монументального искусства.

дивида и общества.¹ После такого «просеивания» история становится культурой и находит своё рефлексивное отражение в мифологии, фольклоре, литературе и искусстве.

Именно этот процесс исторической рефлексии и составляет основное содержание истории культуры. Такой аспект оказывается за рамками исследований других наук, изучающих культурное наследие прошлого. Более того, когда история, литературоведение или искусствоведение начинают заигрывать с историческими смыслами и образами культуры, они сразу же получают обвинения в «культурологическом уклоне», хотя, надо признать, подобный «уклон» в последнее время стал довольно соблазнительным для всех гуманитариев, не чуждых герменевтических подходов.

Естественно, в таком случае может возникнуть вопрос, чем же историческая культурология отличается от исторической антропологии. На сегодняшнем этапе развития этих наук в России их различия, видимо, действительно не очевидны. Как нам кажется, историческая антропология пытается осмысливать взаимоотношения индивида и исторической действительности в целом в ретроспективном ракурсе, а историческая культурология сосредоточивается на духовно-творческом аспекте этих взаимоотношений. Таким образом, её предмет — не «историческая», а духовная жизнь человека и общества в далёком или недавнем прошлом во всей сложности её внутренних и внешних связей и отношений.

Историческая культурология, в отличие от других наук, изучающих культуру, занимается анализом не только «вершинных» фактов и явлений, но и культуры обыденной, повседневной, реального культурного контекста жизни обычных людей, а не только создателей и потребителей безусловных шедевров. То, что для искусствоведения и классического литературоведения остаётся «за кадром» их научного восприятия и оценки, составляет ценнейший материал историко-культурологических исследований. Это важно для общего исторического осмысления «идеи культуры» как таковой.

Сейчас вообще рассуждения о предмете исторической культурологии, видимо, могут носить только общий характер. Сама общая дисциплина, которая называет себя, по мнению известного социолога Б. В. Дубина, «ужасным словом культурология», ещё только складывается и нащупывает собственные пути, методы и объекты исследований.² В ней, как опять же точно подметил Дубин, ещё нет результатов, но уже обозначен некий горизонт — уже упоминавшаяся нами культура повседневности.³ Для исторической культурологии таким горизонтом, вероятно, можно считать «историю культуры повседневности». Более точные представления о предмете исторической культурологии, как и о самой этой науке, будут складываться по мере её развития. Постепенно эти представления будут вычленяться из опыта конкретных историко-культурных исследований, которые по мере совершенствования методов будут отдаляться от истории или искусствоведения с культурологическими изысками и приближаться к собственно культурологии.

Но уже сегодня понятно, что правильный выбор предметного аспекта позволяет подвергать культурологической интерпретации различные общие с другими науками «культурные объекты», не вступая в междисциплинарные конфликты.

---

¹Кнабе, Г. С. Вступительное слово на конференции «Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов». Москва, РГГУ, 2000 г.

²Мнение Б. В. Дубина цитируется по публикации: Дубин, Б. В. Легко ли быть издателем? Интеллектуальная литература между академической Сциллой и поповой Харибдой / Б. В. Дубин // *НГ-Ex libris* (Еженедельное приложение к «Независимой газете»). — 2002. — 19 декабря.

³Там же.